

Вопрос непростой я услышал однажды
Из уст человека, презревшего страх:
«Когда ты умрёшь от любви иль от жажды,
Чьё имя застынет на мёртвых устах?»

И я растерялся под шёпот и вздохи,
И ворот от стылого пота промок –
Я нёс на плечах отголоски эпохи,
Но был я при этом, как перст, одинок.

На сумрачном небе звезда задрожала,
Направив мне в душу рассеянный свет:
«Ведь было и звёздных мгновений немало,
А звёзды поэтов спасают от бед!..»

Огонь, затухавший в остывшем камине,
Тревожащий отсвет нацелил в меня:
«Да ведь без огня счастья нет и в помине...
Как можно Отчизну любить без огня?..»

Но сердце шепнуло: «Высокого слога
Поэту в пути не достигнуть никак,
Когда позабудет про Господа Бога
И скажет: небесная сила – пустяк!..

И понял я, что и в часы безвременья,
Когда и не раб может спину согнуть,
Лишь Бог мне даёт и слова, и терпенье,
И высшего смысла высокую суть.

Я поднял глаза... И увидел – высоко
Парили созвездья, дрожа на весу.
И губы шепнули про Господа Бога,
Чьё имя с собой навсегда унесу.

* * *

Отару Чиладзе

«Честь имею...» – коротко и страстно...
Честь имели храбрые мужи.
Вызов на дуэль... Рассветом ясным
В пистолеты вложены пыжи...

Разве нынче помнят про дуэли?
За углом ударили под дых...
Вместе с той эпохой отшумели
Страсти дуэлянтов удалых.

Никого уже у речки Чёрной
Подойти к барьерам не зовут.
Честь иметь – давно почти позорно,
Честь имеешь? – первым оболгут.

Чёрный воск ползёт по чёрной свечке,
Чернота на кончике пера.
Черноту нам в души с Чёрной речки
Всё приносят чёрные ветра.

Бросишь взгляд... Жестоко ошибёшься.
Застит очи чёрная пурга.
Нелюбимой в чувствах поклянёшься,
Следом друга примешь за врага...

А потом, почти уже немея,
Позабыв про славу и талант,
Прохрипишь чуть слышно: «Честь имею...»,
Как с пробитой грудью дуэлянт.

ОДИНОЧЕСТВО

Как можно исправить, как можно придумать любовь,
Коль рухнуло всё?.. Эта женщина стала чужою...
Но я говорю себе – истине не прекословь!-
Опять одинок? – Да я женщины этой не стою!
От белой метели в окне моём стало темно,
Сижу без огня, одиночество – жуткая пытка.
Остылую кровь всё сильнее разбавляет вино –
Печальное сердце иного не жаждет напитка.
И что тут поделать? Смириться?.. Такая юдоль...
Но ломит виски, и всё чудятся женские руки.
И боль одиночества, кажется больше, чем боль,
И боль от разлуки, наверное, больше разлуки...

РАСУЛ ГАМЗАТОВ

Где наш язык? Остался в доме плача,
Когда ты смолк, в небесный взмыв аул.
Ты был Поэт... Ты всё переиначил,
У нас два моря – Каспий и Расул.

Чем дальше ты уходишь, тем всё ближе
Становишься... А тайны наших гор
Лишь одному тебе открылись... Вижу
Как ты глядишь на недругов в упор.

Как мы любили этот взгляд с прищуром!
Для всех влюблённых не было родней
Симфонии аварского пандура,
Гамзатовских певучих журавлей...

Те строки и рыдали, и лучились,
И как ты этот край ни назови,
Влюблённые всех стран соединились
В краю тобой восславленной любви.

С тобою малой не казалась малость,
В любом бессилье прибавлялось сил,
И даже горечь горькой не казалась,
Когда ты другу что-то говорил.

Но ты ушёл... Иные жаждут славы,
Не отточив ни слова, ни пера...
Бездарные щенки, как волкодавы,
Ликут, что настала их пора.

Они ликуют, ничего не знача,
Их песни ветер – дунул и задул...
Где наш язык? Остался в доме плача...
Но есть два моря – Каспий и Расул.

ЕСТЬ В НОЧИ...

Есть час в ночи, длиной в одно мгновенье,
Когда ты просыпаешься в поту,
Грехи тебя зовут, зовёт прозренье,
Вопросы задают сквозь немоту.
Как ты живёшь и что другим оставишь?..
Не покривить душой, не промолчать.
И музыка в душе... А из-под клавиш
Спешит строка, чтоб мучить и звучать.

Есть час в ночи... Ты робким подмастерьем
Стоишь... Ты свой не выучил урок.
Ты, всё забыл, во что недавно верил,
А что запомнил – то тебе не впрок.
И всё гадаешь – что решит Всевышний?
Позволит ли он думать и дышать?
Всё остальное лишним будет, лишним...
Спешит строка, чтоб мучить и звучать.

Есть час в ночи... Его, как мост Сиратский,
Лишь одолеет чистая душа.
Грехи же вниз потянут... В пламень адский,
Но как пройти по жизни, не греша?
И ты идёшь, гонимый чёрным веком,
На лбу сомнений горькая печать.
Но если ты остался человеком –
Придёт строка, чтоб мучить и звучать.

НИКОЛАЙ ГУМИЛЁВ

Мы дрались там... Ах, да! Я был убит...

Н. Гумилёв

Брожу по Петербургу... Ночь темна.
Мелькнула тень... Ушла... Мелькнула снова.
Неверный свет из тусклого окна...
Чья это тень? Неужто Гумилёва?

Остановился... Начал свой рассказ.
Холодный вечер обжигал метелью:
«Для русских стихотворцев стал Кавказ,
Как для тебя мой Питер, – колыбелью!»

Я помолчал... Потом сказал в ответ,
Боясь – растает этот образ милый,
Что Питер сам – и город, и поэт,
Поэтам ставший братскою могилой.

Вот Пушкин умирает на снегу,
Вот гибнет Блок без воздуха и звука.
Есенин в «Англетере»... Не могу
Иначе думать – вот какая штука.

На небе Петербурга столько звёзд!
И каждая звезда – душа поэта.
В мой Дагестан стремится звёздный мост.
И здесь свинец – мне помнится про это.

Лишь горы знают тайны их смертей:
Друг застрелил Махмуда – кровь кипела,
Хан ослепил Саида без затей,
Анхил Марин с зашитым ртом запела.

В Сибири побывал Казак Ирчи,
Петь песни запретили Батараю.
Судьба поэта... Сколько ни кричи,
Иной судьбы для гения не знаю.

И снова темень... Узкий двор тюрьмы,
Выводят на расстрел приговорённых.
Сто лет прошло... Тесней прижались мы –
Стоим среди Всевышним не спасённых.

– Кто здесь поэт известный Гумилёв?
Вас отпускает наша власть Советов...
...Он будто бы не слышит этих слов:
«Я – офицер, не вижу здесь поэтов!»

Переспросил я: «Вправду было так
Иль кто-то фантазирует без меры?»
Он усмехнулся: «Жизнь – такой пустяк!
Я был поэт, да вышел в офицеры!»

И снова по Гунибу мы бредём,
Как только что брели по Петербургу.
И снова с Гумилёвым мы вдвоём
По-братски делим тёплую тужурку.

И снова понимаю я – Поэт
Весь шар земной своим спасает словом.
А, значит, в этом мире смерти нет,
Пока шагаешь рядом с Гумилёвым!

ПЛАЧ СЛЕПОГО ОХОТНИКА

Я – старый охотник... Я выбился просто из сил,
Бродя по ущельям, одежду стирая в отрепья.
Последнего тура я нынче в горах застрелил,
А пуля вернулась... Попала в меня... И ослеп я...

В глазах потемнело... И сделались дали пусты.
И солнце шепнуло: «Тебя я навеки покину...»
За годы скитаний я столько убил красоты,
Что не отличить мне теперь от низины вершину.

Был взгляд мой намётан... В стрельбе я не знал неудач.
И падали туры, склоняя пронзённые выи.
И только ослепнув, вдруг понял – я только палач...
А где эти души, а где эти души живые?

На шелест, на шорох умел я мгновенно стрелять,
Мой выстрел являлся предвестником смертного часа.
Куда всё девалось? Я это не в силах понять,
А сердце похоже на турье сгоревшее мясо...

Я так ликовал, если выстрелом сбитый моим,
Катился подстреленный тур вдоль глухого ущелья.
И кровь закипала... И был я Аллахом храним,
Но кровь моя сделалась чёрной, как мутное зелье.

Тяжёлое солнце стекало в межгорный провал,
И скалы пугались вот этого лютого смеха,
Когда я, убивший, от радости долго скакал,
И сердце гудело в груди, будто горное эхо.

А нынче Всевышний забрал мой прищуренный взгляд.
Во тьме засыпаю... Во тьме просыпаюсь и каюсь...
И только в мозгу моём выстрелы снова звучат –
От них просыпаюсь... От выстрелов я просыпаюсь.

Последний мой выстрел... Тур падает, громко хрипя,
А сердце опять наполняет шальное веселье.
Я снова стреляю... И вновь попадаю в себя,
Подстреленным туром летя в грозное ущелье.

ОБЛАКА

Тучки небесные, вечные странники...

М. Лермонтов

Люблю вас, облака, парящие вдали,
Художники небес, рисующие вечность.
Вы свет людских сердец на небо вознесли,
Чтоб заново уплыть куда-то в бесконечность.

И только ваша тень легла на тень мою,
Две тени на земле одною тенью стали.
Я в горечи своей о Родине пою –
Ей тоже нужен свет средь мрака и печали!

Плывите, облака, мне вас не удержать,
Два облака парят, и лучик солнца – между.
Пусть мне не воротить свою былую статью,
Но, уплывая вдаль, вы дарите надежду.

Довольно ей рыдать бессильно на земле,
Довольно и стихам напрасно ждать свободы!
Дарите белизну, пока вы не во мгле,
Пока летит строка сквозь горести и годы.

Ведь это на земле важней всего – загон,
Где держит властелин доверчивое стадо.
Плывите в небесах, там свет со всех сторон,
И никаких оград ничьей душе не надо.

Но всё-таки земле оставьте хоть клочок
Той воли, облака, что вас несёт далёко,
Чтоб Родину мою, пусть чуточку, но смог,
Он светом озарить, струящимся с востока.

Ведь Родина одна... Люблю её такой,
Какою даровал Всевышний в миг рожденья.
Гляжу на облака... Им вслед машу рукой.
От Родины своей не жажду снисхожденья.

Забыла про меня она в мой горький час...
Неся небесный свет в медлительном полёте,
Парите в небесах... Нет Родины у вас.
Мне жаль вас, облака, – без Родины живёте.

ПТИЦА СЕРДЦА

Владимиру Кострову

Вновь птица сердца в грудь стучит мою,
Чтоб песню, что в душе, закрыть крылами.
А я слезами камни напою,
И камни зарыдают вместе с нами.

И заиграет музыка в ночи,
Чтоб хмурость смыть с грядущего рассвета.
Коль безголос, то лучше помолчи –
Для тех, кто слышит Слово, песня эта!

О, птица сердца, вольности сестра,
Ты лишь у гор и совести во власти.
Будь к Родине моей всегда добра –
Ведь сам Всевышний к ней не безучастен.

Пускай погряз в коварстве новый век,
Но и в ночи я слышу клёкот птицы.
Она кричит, что тот не человек,
Кого во мгле не радуют зарницы.

Она гнездо не бросила своё,
И в жаркие края не упорхнула.
Когда явилось злое вороньё,
Чтоб свет изгнать из каждого аула.

О, птица сердца! Жар других сердец
Несёшь, крича: «Чтоб тучи не сгущались,
Твори, Поэт!.. Чтоб вороны боялись...
А кто не слышит песни – тот мертвец!»

НИКОЛАЙ РУБЦОВ

Зелёные звёзды порою мне светят с небес,
Зелёные травы мне дарят зелёные тайны.
И в зелени луга мне чудится столько чудес,
Хотя я всего лишь – растерянный путник случайный.

Здесь всё неподдельно и всё пробирает до слёз,
И сердце поэта зелёное марево лечит.
Зелёные косы раскидистых русских берез
В Гунибе ласкают мои утомлённые плечи.

Стою у надгробья и что-то боюсь говорить.
Земля вологодская... Скромная эта могила.
Любимая только способна поэта убить...
Ты просто любил... А любимая просто убила...

Зелёные звёзды с собой ты неслышно унёс.
Стою у могилы... Какие здесь могут быть речи?
Зелёные косы родимых гунибских берёз
Мне в Вологде молча ласкают усталые плечи.

Ушёл ты не понятым... Не понимают меня –
Вовек не сойти нам с того бесконечного круга.
Но токи земли через нас проникают, звеня,
В высокое слово... И мы понимаем друг друга.

Я горского хлеба принёс тебе щедрый кусок,
Голодные птицы на хлеб напустились оравой.
Ты был одиноким... Я тоже давно одинок.
Бог видит – сочтёмся с тобою посмертною славой.

Боюсь обмануться и что-то промолвить не то...
Могила твоя не забыта в краю богоданном.
Есть памятник даже... Ты в чёрном немодном пальто.
И в шарфике чёрном... С нелепым своим чемоданом.

Собрался в дорогу... Последний готов пароход...
Вечернее эхо неспешно парит над рекою.
Минута-другая – и твой пароход уплывёт...
Последним поэтам ты нервно помашешь рукою.

Букетик к букету... Торжественный траурный ряд.
Стихи подступают... И нет у поэзии края.
Стихов твоих звёзды давно над Гунибом парят,
Цветы из Гуниба у ног твоих чуть озаряя.

БАЛЛАДА

Было... Сплыло... Ушло... Мы сегодня с другими,
Но едва наступает бессонная ночь,
Колыбельною песней звучит твоё имя,
Ну а сердце не в силах прогнать его прочь.

И метельной порой, и порою предвесней,
И в жару, и в дожди песня слышится вновь.
Если вправду любовь так похожа на песню,
То и песня похожа на эту любовь.

Пусть, петляя, дорога спешит на вершину,
Где разбилась звезда, обратившись в цветок.
С высоты эту песню любви не отрину,
Уроню её в травы, где месяц продрог.

Пусть и сердце с годами моё опустело,
И напрасной моя оказалась печаль,
Это имя твоё повторяю несмело,
Эта песня плывёт в потускневшую даль.

Пусть любовь – это свет... Миром правят поэты,
Жизнь спасая строкою, коль вовсе невмочь.
Я шепчу твоё имя... Ты помни про это...
Ведь поэты себе лишь не в силах помочь.

ИЗ «ЕГИПЕТСКОЙ ТЕТРАДИ»

1. ПАМЯТНИК

Я памятник себе воздвиг нерукотворный...

А. С. Пушкин

У пирамид стою, где воздух выпит
Тысячелетней сущностью времён.
Не начертал ни слова здесь Египет.
Ползут века.... Безмолвен фараон.

Не знаю ничего, хоть мир просторен,
Что было бы вселенского важней –
Два памятника... Тот – нерукотворен,
За этим – сотни жизней и смертей!

Какая-то неведомая сила
Душой владеет, в память заложив
Хеопса ненасытного могилу,
На «милость к павшим» пушкинский призыв.

Тропа не зарастает к пирамиде
Не потому, что нету здесь травы...
Я фараона не хочу обидеть –
Ведь с ним тысячелетия на Вы.

Но для строки преград нет и кордонов,
А потому, примите без обид –
Поэзия превыше фараонов,
А значит – Пушкин выше пирамид!

2. АРАБКА

Взглянула...
Эти очи роковые!
Улыбкой мимолётной обожгла
Арабка... Я забыл, Александрия,
Что я здесь гость,
Что есть ещё дела.

Бродили рыбаки,
Сновали люди,
Спешил на берег ласковый прибой.
И понял я, что сердце не забудет
Бездонных глаз
Арабки молодой.

Я здесь лишь гость,
Здесь только до зари я,
Брожу, седин от взглядов не тая.
Но всё-таки не зря,
Александрия,
Мне улыбнулась
Девушка твоя...

3. ДРЕВНИЙ ХЛЕБ

В музеях Египта одни чудеса,
Обломки всего, что случилось на свете...
Ты здесь пробираешься за полчаса
Сквозь мрачную толщу угрюмых столетий.

Не только события жизни земной,
Но даже таинственность Рая и Ада
Мелькает, глаза ослепив, предо мной –
Я в Рай не спешу, и мне Ада не надо.

И вздрогнешь ты, если душою не слеп,
Когда, попирая мирские законы,
Является взору не камень, а хлеб,
В горниле веков – на века! – испечённый.

Ты просто склонишься смиренно над ним –
Дошедшим до нас через войны и зимы.
Тот хлеб, несомненно, Аллахом храним,
А с хлебом и все мы Аллахом хранимы.